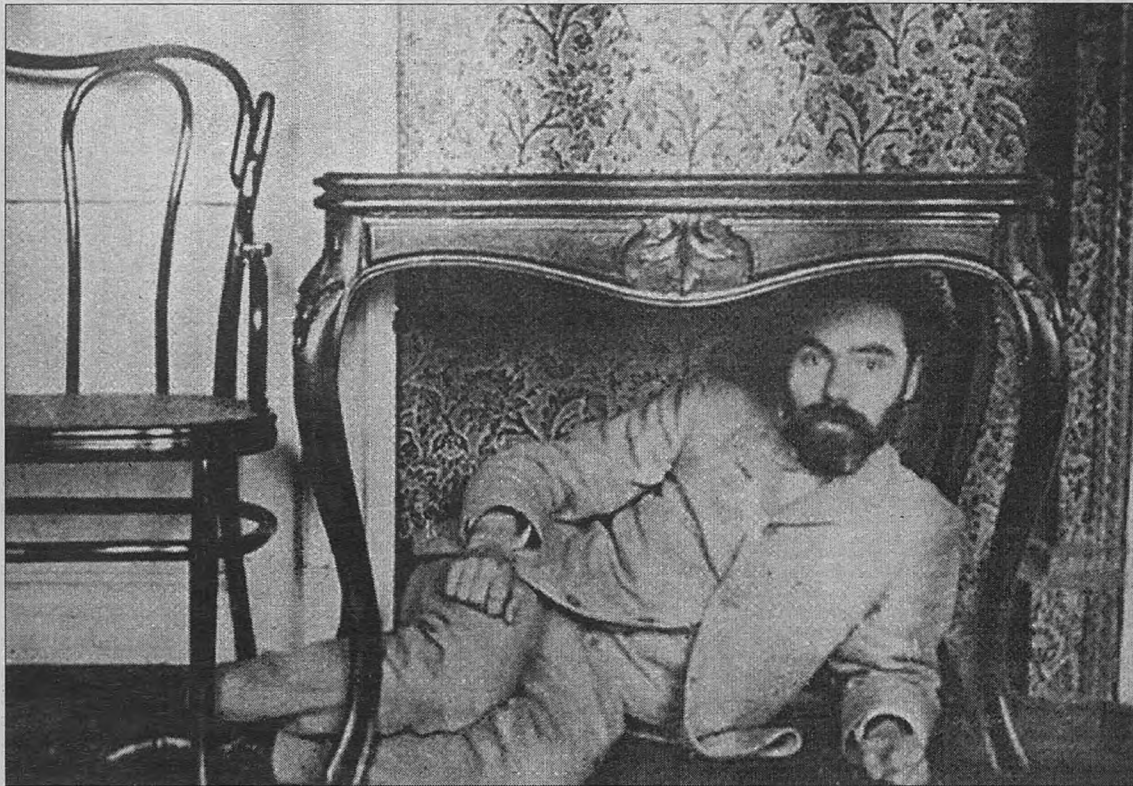

АНТОЛОГИЯ

Евгений ЕВТУШЕНКО

Поцелуй без любви

ВЕДУЩИЙ РУБРИКИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
СИМВОЛИСТА ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА
(1873 — 1924)

Валерий Брюсов: «Все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов»

Вряд ли большинство поклонников автора когда-то завлекательно скандальной, а по сегодняшним стебным временам пресновато целомудренной строчки «О, закрой свои бледные ноги» задумывалось над тем, что написавший это поэт был родом вовсе не из аристократии, изнеженной в пышных альковах сладострастия, воспетого им. На самом деле он был из крепостного крестьянства, торопливо по несвободе времени занимавшегося любовью на гумне, на сеновалах, в банях по-черному да на полатах.

Правда, дед его по материнской линии А.Я. Бакулин пытался завести с музой поэзии робкий любовный роман, издав на собственные средства сборничек «Басни провинциала», но муза взаимностью ему не ответила.

А вот крепостной его предок по отцовской линии — дед Кузьма Андреевич Брюсов — не стал пропивать все до гроша, как другие смерды вокруг, а подкупил деньжат да и с Божьей помощью самовыкупился на волю. Отправился с детишками и нехитрым шарбом в Златоглавую. Домом обзавелся. Сына своего Якова в Сельскохозяйственную академию определил, а тот заодно стихами, да и прозой, начал баловаться, и прозой порой небезопасной — всякими крамольными прокламашками.

Но купеческое в Якове все-таки победило. А вот наследник — теперь уже не крепостных смердов, а что ни на есть самых настоящих купцов — Валерий Яковлевич стал так поэтом, благо семейное состояние позволяло ему спокойно заниматься таким неприбыльным делом. Но одно у него осталось от деда навсегда — его предприимчивость, которая и рифмам подмогала: печататься он начал с одиннадцати лет. Потом окончил историко-филоло-

гический факультет Московского университета с дипломом первой степени и в 1894 — 1895 годах выпустил три сборника «Русские символисты», став родоначальником и самопровозглашенным лидером модернистского движения.

Над этим весьма скромным сначала по творческим силам, но весьма амбициозным новорожденным движением посмеивались и даже издевались. Издевались заодно и над стихами его основателя. Да и было над чем. Некоторые из них походили на дедушкины «Басни провинциала», только в декадентском варианте.

Брюсов логически просчитал, что грядущих гуннов остановить невозможно, и заранее решил их приветствовать, чтобы уцелеть

Вот какой провинциально-декадентской эротикой пытался молодой Брюсов «уловлять» сердца читателей, почти отвернувшихся от поэзии в бесславном, бездуховном конце XIX и в пугающем начале XX века: «Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, // Играть, блуждать в венках из орхидей. // Тела сплетать, как пара жадных змей!»

Но не все воспринимали это как пародию, да еще и плохую. Безвоз-

душнее было такое, что подобные экзерсисы воспринимались как глотки свободы, вкус которой уже подзабылся, да и была ли она когда-нибудь в России?

Брюсов впоследствии точно описал удушливость атмосферы тех лет: «Я вырос в глухое время, // Когда весь мир был глух и тих. // И лю-

дише было такое, что подобные экзерсисы воспринимались как глотки свободы, вкус которой уже подзабылся, да и была ли она когда-нибудь в России?

душие было такое, что подобные экзерсисы воспринимались как глотки свободы, вкус которой уже подзабылся, да и была ли она когда-нибудь в России?

них болезненную страсть к постоянному преодолению в себе «твари дрожащей».

Тоскующие по долгожданному «пишеству чувств» гимназистки, курсистки и смертельно скучающие барыньки переписывали эти стихи в альбомы и чуть не падали в обморок, когда Брюсов, чопорно скрывающий «пламя страстей» под наглухо застегнутым пиджаком, величественно появлялся в салонах и так называемых интеллигентных аудиториях, храня загадочную неподвижность лица с монголоидными чингисхановскими скулами покорителя. Но поиски соития тела и духа чаще всего оканчивались просто соитием. Хранить верность становилось немодно. Донжуанство, как в воронку, втянуло в себя и женщин. Однополую любовь перестали скрывать — ею даже бравировали, а в некоторых случаях и притворялись, что ею занимаются: чего не сделаешь, лишь бы идти в ногу с веком! Красноносые пьяницы уступили место белоносим кокаинистам. При помощи блюдечек спириты общались с Джеком Потрошителем, Александром Македонским, Сафо. У общества было предпомпейное состояние.

Первым, как бы пробным, извержением Везувия был 1905 год, затем Первая мировая, две антагонистические революции (Февральская и Октябрьская) и наконец Гражданская война.

В число поклонниц Брюсова в 1910 году попала и 18-летняя Марина Цветаева, сочинившая почти оду в прозе «Волшебство в стихах Брюсова».

Честно говоря, сколько я ни перечитывал некоторые стихи Брюсова, так понравившиеся юной Марине, многое меня ничем не тро-

нуло — по-моему, это обыкновенный ширпотреб модернизма. Лучшее из брюсовского антиквариата, на мой взгляд, это «Ассаргадон» и «Сулла». Непревзойденный шедевр — «Каменщик», где нет ни единого лишнего слова. Кажется, что оно не сочинялось по строчкам, а родилось сразу и целиком. Я обожаю две гениальные строки Брюсова: «Есть тонкие властительные связи // Меж контуром и запахом цветка», хотя все дальнейшие строки — случайны.

Младший брат Валерия Брюсова, Александр, тоже стихи пописывал,

поздней, уже полной сарказма статья великодушно настаивает на мраморности данных экспонатов.

Цветаева не принимала программные строки Брюсова: «Быть может, всё в жизни лишь средство // Для ярко-певучих стихов, // И ты с беспечального детства // Ищи сочетания слов». К сожалению, я с Мариной Ивановной согласен, хотя в их обмене «любезностями» чувствуется ее личная обида.

Не думаю, что он вступил в партию большевиков из большой любви к ним. Цветаева утверждала, что он вообще не знал этого чувства. И добавлю — не только по отношению к женщинам, но и по отношению к политике.

Если раньше он воспевал «поцелуй без любви», почему мысленно не поцеловать без любви и Ленина, приложившись к нему, лежащему в гробу, словно к иконе? Стихи на смерть Ленина — безжизненные, холодно просчитанные: «Мир прежний сянкет, слаб и тленен; // Мир новый — общий океан — // Растет из бурь октябрьских: Ленин // На рубеже, как великан». Такие равнодушные стихи невозможно написать о смерти человека, которого любишь.

В предисловии к 900-страничному однотомнику в «Библиотеке поэта» (1961) Брюсов прославляется как «один из немногих законодателей индивидуалистического искусства, которые оказались в силах после Октября порвать с буржуазным миром и перейти на сторону победившего народа».

Автор предисловия, сам того не зная, выдал Брюсова, подчеркнув, что тот перешел «на сторону победившего народа», а вовсе не сражался вместе с этим народом плечом к плечу. Не думаю, что то же самое произошло бы с Брюсовым, если бы народ не оказался победившим. Он просто принял бы сторону силы. Как говорит английская пословица: «У победы слишком много родственников, а поражение — всегда сирота».

Брюсов логически просчитал, что грядущих гуннов остановить невозможно, и заранее решил их приветствовать, чтобы уцелеть: «Но вас, кто меня уничтожит, // Встречаю приветственным гимном». Я впервые ощутил, что в этих стихах есть самооправдательный цинизм, когда в фильме «Похороны Сталина» в роли пьяницы-скульптора, видя врывающуюся в мастерскую толпу, выкрикнул: «Грядущие гунны, приветствую вас!», — и толпа сбита меня с ног, и над моей головой мелькали чьи-то грязные сапожищи, а я, размазывая слезы, пытался петь: «Чего-то нет, чего-то жаль...»

Брюсов, презирая толпу, сам сдался толпе на добровольное духовное изнасилование: «Славлю я правду твоих своеволий, Толпа!»

Однако советская власть завалила Брюсова беспрестанно меняющимися, но всегда руководящими должностями, заставила строить общество, далекое и чуждое ему.

Последней его должностью был ректорский пост в Высшем литературно-художественном институте. Внутренне же Брюсов становился все более и более одиноком.

Он с горечью повторял собственное четверостишие:

Я жить устал среди людей
и в днях,
Устал от смены дум, желаний,
вкусов,
От смены истин, смены рифм
в стихах.
Желал бы я не быть
«Валерий Брюсов».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Подражание Брюсову

«Каменщик, каменщик
в фартуке белом,
Что ты там строишь?
кому?» —
Можно шептать это
перед расстрелом
или нипочему.
Я не из смелых,
но не из трусов.
Сам себя я не пойму.
Сам себя спрашиваю,
как Брюсов:
«Что ты все пишешь?
кому?»
Буду себе обвинителем строгим,
вины чужие приму.
Можно, конечно, иллюзии строить —
лишь бы не строить тюрьму.
Но под строительными лесами
гибнут не без причин.
Нам — приговор,
если знаем всё сами,
Знаем,
но всё же молчим.